

Александр Коломийцев с. Зональное, Алтайский край

МИЛЕТЯНИН В АФИНАХ

Исторический роман

(Продолжение. Начало в № 10/2016, № 2–9/2017)

– 9 –

О наступлении святых дней Деметры и Персефоны Анаксимандр узнал из слов управляющего. Поднимаясь из шахты на поверхность, всякий раз присматривался к горнам, пытаясь определить, велись ли на плавильном участке работы. Но что-либо разобрать в сумерках было трудно, пришлось прислушиваться к разговорам рабов, занятых на поверхности. Обязательно кто-нибудь да обмолвится, работали ли метеки. Но сам управляющий разрешил затруднения. Не подозревая о значении своих слов для одного из человеконогоих, распекал шахтного надсмотрщика: «Думаешь, если хозяин укатил в Элевсин, горны потушены, рудокопам поблажку можно давать? Если завтра опять добыча снизится, сам пойдёшь молотком стучать!»

На следующий день, всякий раз подтачивая корзину на шахтный дворик, валился без сил, демонстрируя предельную степень измождения. При этом посматривал вверх, определяя время. Солнца не видел, мог лишь предполагать о его местонахождении на небосклоне. Когда день, по его мнению, клонился к вечеру, пятно света, лежавшее на почве шахтного дворика, переместилось на стенку выработки и полезло вверх, приступил к исполнению задуманного плана. Укладывая породу в корзину, выбрал небольшой клинообразный осколок. Сунул камень в рот, и, жмурясь от боли, расцарапал верхнее небо. На пути к шахтному стволу дышал носом, стиснув зубы, сберегая кровь, наполнявшую рот. Достигнув шахтного дворика, рухнул рядом с корзиной. Надсмотрщик, следивший за каждым движением, тут же пнул его ногой. Анаксимандр в ответ замычал. Надсмотрщик уже со злобой пинал его, не переставая браниться, ухватил за волосы, потянул голову вверх. Анаксимандр встал на четвереньки, ноги и руки дрожали, для этого не пришлось особо лицедействовать. Из раскрывшегося рта на почву пролилась кровь. Надсмотрщик на мгновение замер, ударил ногой в живот. Содрогнувшись, Анаксимандр упал лицом в лужицу собственной крови и лежал, не реагируя более на побои. Его вытащили на верёвках на поверхность, и тут он позавидовал прикованному Прометею. Во время подъёма полоскал рот кровью, стараясь вспенить её и, когда бросили на землю, продемонстрировал кровавые пузыри, но вид крови не остановил истязателей. Истрихида переходила из рук в руки жестокосердных мучителей, срывала кожу со спины, ягодиц, ног. Анаксимандру казалось, что острые косточки, вплетённые в воловьи жилы, растерзали плоть и скребут по костям. Ногами ему разбили лицо, и уже не было надобности имитировать горловое кровотечение, кровь хлестала из носа, рассечённых губ. Анаксимандр потерял сознание и не заметил, как избиение прекратилось. Очнулся от потока холодной воды, окатившей голову, грудь. Над ним стоял

управляющий. Стараясь не встретиться с ним взглядом, Анаксимандр закрыл глаза. Управляющий прорычал: «Будешь работать, собака?» и ударил его ногой. Битьё возобновилось, но продолжалось недолго. Наступал важный момент. Ни на окрики, ни на удары Анаксимандр не реагировал. Кто-то из надсмотрщиков проворчал: «Не будет с него толку, у меня уже рука устала. Мало у нас рабов, что ли?» Управляющий перевернул ногой бесчувственное тело, для верности ударил пяткой по рёбрам. Анаксимандр не видел, кто его переворачивает, глаз не открывал, догадывался по голосу. Управляющий бросил долгожданное: «Выкиньте!» Два человека ухватили за ноги и, словно падаль, поволокли через двор к обрыву. Разбитый затылок колотился о камни, голову рвала боль. Осколки породы, каменное крошево терзали развёрстые раны на теле, превратили рудничный двор в раскалённую циклопью сковороду. Призывая на помощь все силы небесные, Анаксимандр сдерживал стоны и судороги, могущие выдать его. Последние оргии до обрыва крепился изо всех сил, крик боли рвался наружу. Наконец, муки закончились, истязатели развернули тело и оставили в покое, очевидно, смотрели вниз, в ров. Один из надсмотрщиков пробурчал: «Ну, давай бросать! Чего любоваться на эту падаль?» Анаксимандра подняли, раскачали, и он полетел навстречу свободе. Бросок надзирателя из усердия совершили хороший. Не ударившись ни разу о склон, он упал на вчерашние трупы. В падении повернулся лицом вниз, оберегая лицо от стервятников, караулящих добычу.

Выполнив работу, трупоносы не уходили, бездыханное тело притягивало взгляды.

– Странно, – проговорил высокий, сопровождая слова длинным плевком, – почему грифы свежатинку не клюют? Ишь, вокруг расселись, а труп не трогают.

– Ждут, пока засмердит, так вкуснее, – хохотнул низкий.

Высокий ещё разок сплюнул, словно надеялся попасть плевком в окровавленное тело, раздавленным тюльпаном лежавшее внизу.

– Ладно, идём, разберутся.

Падение с высоты шести-семи оргий оглушило Анаксимандра, в чувство привели укусы оводов. Всё же он поторопился, солнце ещё не скрылось. Время тянулось томительно и долго. Миазмы разложения затрудняли дыхание, пищевод сотрясали приступы тошноты. На истерзанное, окровавленное тело слетелись тучи мух, слепней, оводов. Анаксимандр впадал в беспамятство, приходил в себя, вздрагивая от укусов насекомых. Наступила прохлада, землю окутали густые сумерки. Беглец вновь впал в забытьё и окончательно пришёл в себя от ночного холода. Изуверский бич изорвал тряпье, прикрывавшее тело, он был совершенно нагим. Анаксимандр сел, огляделся. Луна ещё не вошла, на чёрном небосводе ярко сияли звёзды, неверным светом освещая оскалы мертвяков, склоны рва, смутно прорисовывались горы. Оступаясь, спотыкаясь о камни, остовы несчастных, нашедших здесь последний приют, Анаксимандр выбрался из рва, пересёк голую лощину, добежал до склона соседней горы, углубился в чащу. Запыхавшись, присел перевести дух. Вокруг стояла тишина, лишь за спиной слышались взлаивания сторожевых собак. Способ побега он избрал самый болезненный и, хотя достаточно рискованный – надзиратели могли забить до смерти, мог расшибиться при падении, – в то же время самый верный. Он не числится в беглых. Завтра никто не станет его искать. Хозяину доложат, что раб по кличке Купец издох от непосильной работы, и с ним поступили, как обычно поступают с падалью. Помощь Хремилла теперь была недоступна. Показываться в Афинах в таком виде равнозначно самоубийству. Его путь лежал на северо-восток, к портовым городишкам на севере Аттики. Взшедшая луна позволила различить кусты, ветви, выбирать дорогу. Лес наполнялся шумами ночной жизни – шорохами, топаньем, хлопаньем крыльев, дикими вскриками то ли птиц, то ли зверей. Анаксимандр поднялся и продолжил путь, уподобившись объятому ужасом смерти дикому оленю. Как ни осторожничал, ветви хлестали по обнажённому избитому

телу, ноги путались в ползучих кустарниках, их царапали шипы, жгла крапива. Дух его, словно быстрокрылая птица стремился вперёд, измученное тело едва влеклось, уподобившись медлительному моллюску. Анаксимандр пересёк дорогу, ведущую из рудников в Афины, спустился в долину. Он не знал, обитаем ли сейчас лагерь углежогов, сделал круг и из последних сил торопился добраться до горы. Ноги ощутили подъём, и он, подумав, что достаточно удалился от рудника, решил заночевать. Идти дальше не было сил. Постанывая от боли и дрожа от холода, лёг под кустом, свернувшись, словно раненое животное. Перенесённые страдания заглушили голод, лишь хотелось пить. Спал дурно: липко, кошмарно, прерывисто.

Пробудился Анаксимандр с первыми лучами солнца. Избитое тело после сна на голой земле распадалось на статуэтки. Раны покрылись коркой, лопавшейся при движении, из трещин сочилась кровавая сукровица. Каждый шаг сопровождался обжигающей болью. Раны беспокоили не только болью, страшился возможного нагноения. Желудок терзали голодные спазмы, горло пересохло от жажды. Но все невзгоды перекрывало ликование. Он был свободен! Анаксимандр едва удержался от радостного вопля. Он был абсолютно нагим, живот сводило от голода, утренний холод сотрясал дрожью тело, наполненное страданием. Руки от слабости висели плетями, ноги подкашивались. Но ощущение свободы разбудило подспудные, дремавшие силы. Мысль о том, что охранники каким-то образом обнаружат побег, подстегнула Анаксимандра, и он устремился наискосок по склону. Прочь, прочь от кошмара на полтора долгих года, захватившего его. Анаксимандр бежал, падал, вставал и опять бежал. На бегу тело разогрелось, и уже пот заливал глаза. Ветви хлестали тело, ноги натывались на сучки, а он не обращал внимания на новые ссадины и царапины, всё бежал и бежал.

Силы оставили беглеца. Накатившая слабость вынудила прекратить бег и присесть передохнуть. Сердце гулко билось в груди, кровь пульсировала в висках, за-

глушая лесные шумы. Оберегая спину, Анаксимандр прилёг набок, но долго не вылежал. Нетерпение толкало вперёд. Повинуясь неосознанному призыву, Анаксимандр поднялся, и продолжил путь. Но теперь не бежал, а шагал размеренно, жадно слушая сладостные звуки свободы: шелест листьев, щебет лесных птиц. Движение затруднял можжевельник, его заросли покрывали весь склон, приходилось продирааться через лианоподобные ветви. За ползучим кустарником шелестела твёрдой фигурной листвой дубрава, тут Анаксимандр поел. Пища, конечно, составляла лакомое блюдо диких кабанов, но, если переваривалась в желудках животных, переварится и в желудке человека, тем более человека, чей желудок в последнее время наполнялся едва ли не отбросами. Жёлуди густо устилали землю. Анаксимандр сел под дерево и просто протягивал за ними руку. Взяв плод, обрывал чашечку, раскусывал твёрдый панцирь и, вышелушив продолговатое ядро, старательно пережёвывал. Первые жёлуди съел в охотку, следующие никак не хотели отправляться в пересохшую глотку. Ко-е-как, давясь, запихал в себя пару горстей, и направился вниз по склону. В ложбине его приветствовало пение ручья, промывшего русло в каменистом ложе, и громкое безмятежное кукование лесной предсказательницы. Найдя в быстром потоке тихую бочажину, Анаксимандр наклонился над нерукотворным зеркалом, взгляделся в колыхающееся изображение. На него смотрела страхолудная образина. Волосы сбились колтуном, свисали сосульками на плечи, лицо заросло бородой, грязной и свалявшейся, почернело от пыли и запёкшейся крови. Сквозь иссечённую кожу выпирали ключицы, рёбра, в глазах таилась звериная настороженность. Встав на колени, сломал зеркало, и долго пил, набирая пригоршнями живительную влагу. Пройдя ниже по течению, набрёл на плёсик, лёг в воду, предоставив прохладным струям вымывать из ран набившуюся грязь, каменную крошку, лишь, постанывая от удовольствия, переворачивался с боку на бок. Вымывшись,

расчесал пятернёй волосы, бороду. Пригревшись после купания на солнышке, задремал. В дрёме видел, как в воде подошли два оленя, поглядели на него и, не почуяв опасности, напились, церемонно опуская морды к воде. Вот она и еда, и одежда. Анаксимандр вздохнул, передёрнул плечами, олени исчезли. К сожалению, он не мог добыть даже малой пичужки, великое множество коих наполняло утро щебетаньем и пением. Солнце припекало, появились зловредные мухи, слепни, с остервенением атаковавшие обнажённого беглеца. Пришло время подумать об одежде. Путешествовать нагим по лесным дебрям, занятие не из приятных. Каждая веточка и сучок норовили царапнуть израненное тело, летающие кровососы, почуяв поживу, слетались со всей округи. Побродив по берегу, поковыряв размытые обнажения палкой, добыл два остроугольных, неокатанных камня. Один поменьше, вытянутый, второй квадратный, поувесистей. Напившись впрок, подхватив камни одной рукой и, свободной отмахиваясь от надоедливых насекомых, направился на противоположный склон. Через пару сотен шагов наткнулся на заросли дикого кизильника и, оставив ношу, принялся за еду. Тёмно-красные ягоды переспели, усыпали ветки, срывались от одного прикосновения. Анаксимандр набирал их горстями, запихивал в рот, глотал терпкую, сочную мякоть, едва успевая выплёвывать продолговатые косточки. Насытившись, с трудом отыскал в траве камни, присел рядом. На травинку прилетел жучок, сложил крыльца, спрятав их под раздвижной панцирь, пополз по былинке. Странно было сидеть вот так, ничего не делая, не опасаясь ударов, окриков надсмотрщика. Этот день он решил посвятить сооружению одежды. Материал для неё произрастал в изобилии. Нарубил камнями молодые ветви мирта, плети можжевельника, сплёл две циновки, пояс и мешок для ягод. Скрепив в соответствующих местах циновки между собой, получил подобие эксомиды. Изделие вышло кривобоким, безобразным, тёрло тело, но всё же прикрывало наготу, оберегало от

насекомых. «Настоящий Дионис, – подумал про себя. – Только тирса и менад не хватает». Лучезарная белоконная колесница скаtywалась с небосвода, когда Анаксимандр, выбрав прямую, раздваивающуюся ветвь на сосне, с трудом обломил её, измочалив камнями. Стесав камнем побегу, укоротив концы, вставил в рогульку большой камень, закрепил плетью можжевельника. Теперь он был не только одет, но и мало-мальски вооружён. В сумерках набрёл на рощицу дикого ореха; наевшись и наполнив сумму, остановился здесь же на ночлег. Избитое, истерзанное тело требовало отдыха. Сегодняшнюю ночь провёл не на голой земле, а на постели из ветвей и травы.

Проснулся по привычке рано, пробуждение приветствовал щебет птиц, наполнивший душу предчувствием радости. Вместе с ним проснулась боль, напомнив о его бедственном положении. Незажившие раны сочились сукровицей. Анаксимандр испугался. Незалеченные раны загноятся, гной проникнет в кровь, и он, обрета свободу, умрёт в лесных дебрях, как раненный загнанный зверь. Познания его в медицине были скудны. Кое-что осталось в памяти от военной молодости, посмотрелся у ратных врачей, кое-что прочёл в свитках, но сам никогда врачеванием не занимался, и к помощи врачей не обращался. Врачи изготавливали настои, порошки, это целая наука, недоступная непосвящённому в тайны медицины человеку. Да и какие настои, какие порошки он может приготовить? Ерунда, можно натираться листьями, свежим соком, выйдет ещё лучше настоев и порошков. Допустим, ранник-то все знают, и он в том числе. Отыскать бы эти травы. Скорей, скорей, пока гной не отравил кровь. Раны уже воспалились, для начала найти бы дурнику. Дурника опасная трава, можно не вылечиться, а убить себя, стать безумным. Но не есть же он её будет.

На первой же поляне встретился сочно-листый ранник и мягкий, с хвоеподобными листочками кровавник. Анаксимандр рвал мясистые листья ранника, набивал сумку, жёсткие стрелки цветоножек выбрасывал.

Обломанные черешки мокрели, сочась соком. Кровавник же был сух. Набрав полную сумку, углубился в чащу. Надо было ещё вчера прикладывать к ранам врачевательные травы, а не бежать сломя голову. При ходьбе присохшая корочка лопалась, всё тело горело. Анаксимандр прошёл более десятка стадий, пересекал поляны, продирался сквозь кусты, перелазил через поваленные ветром и временем деревья, попадал в тенистую темень, в ласкающие солнечные лучи, а трава дурника, вселяющая безумство и врачующая раны, всё не попадалась на рыщущие по сторонам глаза. Положив рядом палицу, присел у полусгнившего пня, торчавшего щепастым обломышем, отёр со лба пот. Вверху сияло солнце, золотя кроны деревьев, внизу царили сумрак и сырость. В одном-полутора стадиях, со стороны затылка, как раз там, куда правил свой путь, резко, заполошно застрекотали птахи. Путник насторожился, взял в руки немудрёное оружие, поднялся на ноги. По ту сторону упавшего ствола росли три сочных, травянистых кустика, ему по пояс. Кустики росли на особь, рядом лишь бурела прошлогодняя листва. Птичий стрекот смолк, и Анаксимандр пригляделся к находке. Листья растений выглядели мясистыми, сверху тёмные, снизу сероватые, стебель, покрытый волосками, украшали грязно-жёлтые цветки с фиолетовыми прожилками и таким же пятном в центре. Цветы перемежались семенными коробочками под вид кувшинчиков с крышечками. Анаксимандр сорвал лист, ладонь покрылась противным клейким соком, ноздрей коснулся неприятный, дурноватый запах. Последнее обстоятельство окончательно убедило в находке искомого. Птицы закричали совсем близко, и, вызывая цепенящий ужас, им ответил приглушённый, грозный рык. Словно опасаясь, что приближающийся зверь может похитить находку, Анаксимандр обеими руками выдрал все три кустика дурники, запихнул в сумку. Лихорадочно оглядевшись, выбрал раскидистый дуб, росший в нескольких шагах от пенька, метнулся к спасительному дереву. С раз-

бегу подпрыгнул, ужас придал сноровки, ухватился за нижнюю ветку и с ловкостью обезьяны, перебираясь с ветки на ветку, полез вверх. На его счастье крона была могучей, дуб высоким. Не обращая внимания на саднящую боль, охватившую всё тело, поднялся на высоту не менее полутора десятков оргий и, прижавшись к стволу, встал на пружинящую ветку. Лезть выше становилось опасно, ветки могли не выдержать тяжести. Отдышавшись, посмотрел вниз. Листва мешала взгляду, переступив на соседнюю ветку, и, всё так же прижимаясь к стволу, отыскал просвет в кроне. Там, где он, отдыхая, недавно сидел, стоял косматогривый лев и исследовал брошенную палицу. Лев поднял голову, понюхал воздух, затем землю, двинулся к дубу. Анаксимандр, словно ища у мощного дерева защиты, всем телом прижался к стволу. В эти томительные мгновения он ощутил свою полную незащищенность от превратностей враждебного мира. В селениях показываться нельзя, в нём тотчас же признают беглого раба. Лес укрывал от злобных людей, но здесь водились хищные звери, готовые растерзать его, грозила смерть от гноящихся ран, и никто не торопился оказать помощь, выручить из беды. Лев находился где-то под деревом. К Анаксимандру словно вернулось чутьё первобытных предков, и он знал о присутствии зверя, даже не видя его самого. Ему неудержимо хотелось влезть ещё выше, две-три ветки могли вполне выдержать тяжесть тела, но усилием воли Анаксимандр подавил панику и затаился, боясь даже шелохнуться и выдать себя шумом. Как же он был беспечен, и две ночи, без всяких предосторожностей ночевал на земле! Грязно-жёлтое пятно шевельнулось. Лев стоял у самого дуба. Анаксимандр, не дыша, заглянул по другую сторону ствола, отчётливо увидел гриву. Лев постоял ещё некоторое время у дерева и, сопровождаемый птичьим стрекотом, неторопливо направился в сторону севера. Птичьи голоса постепенно стихли. Анаксимандр спустился на несколько ветвей и уселся, прижавшись спиной к стволу. Что у льва на уме? Ушёл

совсем или затаился где-то рядом? Скорей всего, кем-то или чем-то потревоженный, оставил дневную лёжку и отправился бродить в поисках удобного места. Нигде не раздавалось ни звука, но Анаксимандр решил выждать некоторое время. Усевшись поудобней, достал измятые, почерневшие листья дурники, приступил к лечению. Самодельную эксомиду пришлось расшнуровать. Захватывая в ладонь листы, натёр руки, шею, живот, грудь. Со спиной было сложнее, а именно ей досталось больше всего. Кое-как изловчившись, изворачиваясь, выгибая руку, обработал и спину. Запасов дурники едва хватило. Тело горело, саднило, щипало. Он не знал, действие ли это сока или последствие суматошных движений, растревоживших раны. Ладони почернели, стали липкими, он обтёр их дубовой листвой. Закончив лечение, зашнуровал эксомиду, встал на ветке, удерживаясь рукой за ствол. Вслушиваясь в шелест листьев, старался уловить посторонние шумы. Но ничто не указывало на присутствие зверя, и, глубоко вздохнув, Анаксимандр решился спуститься вниз. Оказавшись на земле, несколько мгновений не решался расстаться со спасительным деревом, постоял, не отпуская руки со ствола и вслушиваясь в лесную тишину, затем несколькими прыжками достиг пня, подхватил палицу и, водрузив оружие на плечо, скорым шагом отправился по своим следам, ориентируясь по солнцу, которое к этому времени поднялось достаточно высоко. Первый испуг от встречи со страшным зверем прошёл, всё существо наполняло чувство опасности, но паника не затмевала разум. Требовалось измыслить своё положение. Анаксимандр чувствовал, что от страха в эту ночь не сможет заснуть. И ещё одна проблема требовала разрешения – как лечить спину? Окончательно придя в себя, отдалившись на десяток стадий от злополучной полянки, почувствовал голод. Пережитые волнения подвигли на соблюдение особой осторожности. Высмотрев толстенный бук, взобрался на нижнюю ветку и принялся крошить орехи. Пребывание в рабстве приучило желудок усваивать вся-

кую дрянь. Рабы в Аттике нынче дешёвы. Победоносные войны с персами наполнили невольничьи рынки живым товаром. Предложение с лихвой удовлетворяло спрос. Для крупных владельцев говорящей скотины, чьи доходы преумножали тысячи рабов, становилось дешевле заменить изношенного человеконогого на нового, чем тратиться на его маломальское сносное содержание. И всё же рабам в эргастериях, имениях, не говоря уже о государственных и домашних, жилось намного лучше рудничных. Их не держали впроголодь и не избивали с такой свирепостью. Били ежедневно, но до смерти забивали крайне редко. О существовании истрикиды Анаксимандр узнал, попав на рудник. Самый неразумный и ледащий геомор не обращался с самой бестолковой и ленивой скотиной, как обращались арендаторы рудников со своими рабами. Если рассуждать несколько цинично, это было естественно. Только бесчеловечными истязаниями можно было принудить рабов трудиться на горных разработках. Соответственно, и кормёжка не предусматривала длительного существования рабов. Желудки несчастных либо покрывались язвами, исходили кровью и в конце концов переставали служить своим обладателям, либо приучались переваривать даже камни. Желудок Анаксимандра относился ко второй группе. И всё же требовал настоящей, человеческой пищи. Анаксимандр и сам понимал, на орехах да ягодах сил не наберёшься, а путь предстоял дальний, наполненный препятствиями и невзгодами.

В сумке освободилось место, и, побродив по полянам, Анаксимандр нарвал листьев ранника, произраставшего в защищённых от солнца местах, и выбрался к ручью. Здесь ему повезло больше, на пойменном лужке сочная целебная трава в изобилии покрывала увлажнённую почву. Утолив жажду и обмыв тело, устроил ванну, – разгрёб гальку, перемешанную с песком, убрал большие камни. Воду наплёскивать не пришлось, сочилась сама со дна углубления. Изорвав листья ранника, наполнив ими импровизированную ванну, разровнял по дну. Ноги

в углубление не поместились, и, полежав некоторое время, Анаксимандр поднялся, облепил зелёной кашицей переднюю часть тела, руки, ноги, вновь улёгся в целебное месиво.

Ослепительный Гелиос проделал основательный отрезок своего ежедневного пути, когда придремавшего на солнцепёке Анаксимандра поднял зашевелившийся голод. Его общество не разделял ни Повар, ни Тунец, ни Нил, он был один-одинёшенек. Некому было приготовить обед, позаботиться о ночлеге. Не было ни харчевни, ни драм, негде и не на что было заказать сытный обед, спросить место для ночлега. Он был один, и его существование целиком и полностью зависело лишь от собственной сноровки и ловкости. Пришло время позаботиться о ночлеге и обеде. Устраивая ванну, обнаружил два сливных тёмно-жёлтых кремня, неизвестно как и когда принесённых в эту долину. Обсохшие, при соударении они высекали букетики искр, и, удовлетворённый, Анаксимандр положил находку в сумку. Проделав лечебную процедуру – обмазав тело зелёной кашицей, – натянул эксомиду и отправился на обед в ореховую рощу.

Утолив голод и пополнив запасы, отправился к месту предполагаемого ночлега. Оглядывая окрестности из ложины, приметил скальное обнажение с ровной площадкой, туда и направил свои стопы. Площадка оказалась довольно просторной, хватало места и для шалаша, и для костра. Соорудив из веток домик, натаскав сушняка и надрвав сухого мха на растопку, отправился принимать лечебную ванну, прихватив на всякий случай палицу, с которой не расставался ни на миг. Лечение составляло главную заботу, всё остальное являлось второстепенным. Ранник теперь рвал на обнаруженной у ручья плантации и сумку оставил в шалаше. Предусмотрительность оказалась кстати. В лесной чаще, под кустом заметил серую пушистую спинку зверька. Заяц побывал в чьих-то когтях и передвигался на трёх лапах. Со второго раза Анаксимандр попал палицей в голову и схватил трепещущее тельце. Разделал зайца у ручья, после лече-

ния. В ход пошёл сучок с острым концом и собственные ногти.

Вздуть огонь долго не получалось. Мелочи жизни: куда сунуть горсть орехов, как разделать зайца, добыть огонь, вырастали до масштабов мировых проблем и требовали к себе величайшего внимания. Искры, падая на сухой мох, тут же гасли, у разочарованного Анаксимандра опускались уставшие руки. Раздражившись, пару раз саданул камнем по пальцам, ноготь на среднем почернел. Исчезала надежда поесть печёного мяса, кошмаром представлялась надвигающаяся ночь, и всё же терпение и настойчивость принесли свои плоды: из комка ломкого мха потянулась тонюсенькая струйка дыма. Уронив камни, приблизил лицо к самому мху и с превеликой осторожностью дул в драгоценный светлячок, пока из того не скользнули игрушечные язычки пламени. Мох загорелся по-настоящему, пластануло пламя, в ход пошли веточки, сучочки, а затем и валежник.

Мясо было несолёным, пресным, но Анаксимандр с жадностью съел едва не половину зайца, словно тот был приготовлен искусным поваром с возбуждающими аппетит специями и подан под острым соусом. Закончив трапезу, взбодрил костёр, приготовил две сухих палки, обмотав концы мхом, которые намеревался использовать в качестве факелов в случае появления хищников. Завершив приготовления, улёгся на зелёную постель и, прикрывшись циновками, спокойно заснул.

Время между тем неумолимо текло, ещё две-три седмицы, и начнётся осенняя непогода: задуют пронизывающие ветры, пойдут холодные дожди, но Анаксимандр решил задержаться. Раны требовали лечения. Так прошло два дня, в течение которых беглец старался поменьше двигаться. Проснувшись на третий, Анаксимандр почувствовал себя бодрей, да и раны перестали пугать глаз, несомненно, начался процесс заживления. Рядом со своим становищем, на каменистом склоне, обнаружил заросли буркуна, поначалу обрадовался новому средству, но, сорвав несколько стеблей, прекратил сбор. На кон-

цах оборванных стеблей не выступило ни капли сока, посуды же для приготовления отваров и настоев у него не имелось. При заживлении ран хорошо помогала чистуха. Педагог, присматривавший за сыновьями, заживлял бесчисленные мальчишечьи ссадины и ранником, и чистухой, но он никак не мог точно припомнить внешний вид этой травы. Хорошо помнил, что цветы у чистухи жёлтые, листья ломкие, но это была не главная особенность, у половины трав цветы жёлтые, самая верная примета, мимо которой не пройдёшь, – на обрывах выступает оранжевое молочко, темнеющее на глазах. Поэтому рвал всё подряд, даже и близко не подходившее под приметы. Встретил чистуху на четвёртый день, на гари. Пожарище было старое, уже покрытое зеленью, скрывавшее черноту недогарков. И вот здесь, среди сочной зелени глаз ухватил ярко-жёлтые цветы. Сорвав первый же стебель, понял – нашёл. Рвал листья горстями и растирал на теле. Появился зуд, но он был рад ему – целебные свойства действовали.

Орехи убывали, он сильно сократил созревший урожай, да и пища эта порядком надоела. Мяса поесть больше не удавалось. К ручью тянулись тропы лесных жителей, он подумывал, не подстеречь ли ему лань или оленя, направлявшихся на водопой. Но оставил эту мысль. Ночью не однажды просыпался от грозного рыка, доносившегося снизу, со стороны ручья. Встретясь на пути хищник, ему не совладать с ним. Самоделковое оружие служило скорее для успокоения нервов, чем для схватки с рысью или львом. Да и раны всё ещё сковывали движения, принуждая беречься.

Как-то ночью Анаксимандр проснулся резко, вдруг, от чувства опасности, напряжив тело, сторожко выглянул из шалаша. Слева от рдеющих угольев костра в черноте ночи светились два жёлтых глаза. Стараясь не производить резких движений, сунул приготовленные палки в жар. Сухой мох тут же вспыхнул, в ответ в темноте раздалось ворчание, пугающие светляки несколько сместились. Загорелось дерево, и, словно повинуюсь неведомой, непреклонной силе,

Анаксимандр схватил в обе руки пылающие факелы, выскочил из шалаша. Факелы сыпали искрами, пламя мешало разглядеть непрошеного гостя. Размахивая огненным оружием, направив его перед собой, издав звериный вопль, сделал пару шагов в направлении хищника. Глаза метнулись в сторону и исчезли, раздался короткий шорох, и наступила тишина. Анаксимандр подбрёл в костёр сушняка и просидел, освещённый пламенем, пока звёзды на востоке не утратили блеск. На заре сон сморил его. Жизнь в лесу, один на один с дикими зверями и природой, вернули забытые и, казалось, навсегда утраченные инстинкты. Он уже не вздрагивал от каждого шороха, но и беспечность, рождённая пьянящей свободой, оставила его. Анаксимандр почувствовал в себе уверенность, способность противостоять враждебным силам. Глаза зорко оглядывали окрестности, отмечая каждое шевеление ветвей, колыхание травы, уши ловили всякий звук, а палица с увесистым камнем, подкрепляя уверенность, всегда находилась под рукой. Сон стал особым, тонким и эластичным, словно сребротканая паутина. Муха залетит, побрыкается, пожужжит – и готова, затихла навечно. Желтобрюхий силач-шмель, не разглядев тенет, влипнет, тут же рванётся – и дыра в убаюкивающей сети. Зверь ли могучий зарычит у ручья, волосы дыбом встают, ночная птица закричит над головой, мороз по коже, – Анаксимандр не шелохнётся. Стоит в десяти оргиях хрустнуть тонюсенькому сучочку, – сон разорвался, как и не было. И уже летят в притихшее огневище комки ломкого мха для пламени, сучья, дающие долгий огонь. Теперь у него имелось спасительное пристанище, где постоянно жил огонь, и стоит подбросить мха, сучьев, и не один зверь не посмеет приблизиться к нему.

С утра занимался лечением. Смазавшись соком чистухи, ранника, собирал ягоды, орехи. Наевшись, отдыхал. Солнце, воздух, целебные травы, отдых возвращали силы. Раны перестали гноиться, зарастали тонкой кожицей, которая уже не лопалась от движений. Насекомые, поначалу сводившие с

ума, уже не слетались со всей округи полакомиться его израненным телом. Путешествуя по склону горы, обнаружил выход на поверхность кремнистых сланцев, и, отколов несколько пластин, выточил из одной нож-скребок, потратив на работу полдня. На берегу лощины наткнулся на глину, из которой вылепил две посуды – чашу и кувшин. И чаша, и кувшин получились кривобокими и в другое время вызвали бы смех у самого гончара, но сейчас было не до шуток, и, несмотря на уродливость, посуда позволяла иметь запас воды. Оздоровленное тело требовало настоящей пищи. Ягод, орехов было вволю, но они лишь наполняли желудок и поддерживали существование. Зарубцевавшиеся раны позволяли двигаться – бегать, прыгать, не опасаясь открыть кровотечение, и Анаксимандр решил заняться охотой. Он не был слишком робким, избегающим любой опасности человеком, но силы свои оценивал реально. Если его охотничьи пути пересекутся с хищником, возможно, он успеет нанести своим оружием смертельную рану, но, прежде чем издохнуть, зверь разорвёт его на части. Догнать или подстрелить лань, был не в состоянии, мог поразить лишь из засады. Анаксимандр исследовал подходы к ручью, изучая следы, клочки шерсти на кустах. Добывать пропитание охотой в прежней жизни ему не приходилось, следовал интуиции и логическому размышлению. Место для засады выбрал на склоне, за обомшелым камнем. На изучение местности ушло полдня, приходилось поторапливаться. Своими примитивными орудиями Анаксимандр срубил три молодых ровных деревца, ободрал кору, подсушил над огнём. Расщепив концы, вставил остроконечные обломки сланцев. Одну палку расщепил неудачно, отвалившийся сколок свёл на нет затраченные труды. Для метания ко́пья не годились, навряд ли такие наконечники пробьют шкуру животного. Но не только из-за наконечников ко́пья не годились для метания. Прямыми и ровными они выглядели, когда были деревцами, после обработки их повело, одно древко вообще превратилось в криву-

лину. Копьё требовалось воткнуть, причём так, чтобы не попасть в кость. Изготовив оружие, Анаксимандр сделал несколько выпадов, сокрушённо посопел, поскрёб затылок, ничего не поделаешь, приходилось обходиться тем, что есть. На краю обнажения, образовывавшего стену, проходила трещина. Сунув в узкую щель заострённую палку, покачал, палка просунулась вглубь, напружинившись, качнул ещё. Отколовшаяся глыба шевельнулась. Довершать дело не стал, побоялся преждевременными приготовлениями спугнуть удачу.

После полдня погода изменилась. По небу густо поползли громадины серых туч. Занимаясь приготовлениями к охоте, Анаксимандр с опаской поглядывал на небо. Тучи загромодили весь небосвод, закрыли солнце, но дождя не было. К вечеру сходил на ручей за водой, наготовил дров, поел ягод и в сумерках отправился на охоту.

Ночь прошла в напряжении, со всех сторон слышались шорохи, сопение. От внезапных криков ночных птиц волосы становились дыбом. В непроглядной тьме даже шаги ежа или бег мыши производили угрожающий шум. А когда на востоке звёзды утратили яркий блеск, на охотника навалился необоримый сон. Избавляясь от дрёмы, Анаксимандр искусал нижнюю губу. Постепенно густая тьма разбавилась белёсым светом, чутьём уловил на тропе движение. В предрассветной мути от ручья поднимались три лани. Не доходя до камня, животные, играя на нервах охотника, остановились, подняв головы, прислушались, понюхали воздух. Не почуяв опасности, неспешно продолжили путь. Первую лань Анаксимандр пропустил и с силой воткнул копьё в брюхо второй. Животные метнулись в сторону. Разгорячённый охотник, подхватив палицу и второе копьё, пустился в преследование. Оружие тормозило бег, Анаксимандр спотыкался, падал, мысленно молил Артемиду не позволить лани убежать. Той приходилось тяжелее, чем охотнику. Рана была ужасной, но не повлекла мгновенную смерть. Копьё застряло в теле, цеплялось за ветви, кусты, мешая спасению. Лань, споткнувшись, упа-

ла на колени, подбежавший Анаксимандр воткнул в бедро кривулину. Израненная лань из последних сил вскочила и в три прыжка исчезла из глаз. Анаксимандр бросился следом, но лань как в воду канула. Он уже подумывал, не дожидаться ли утра и по кровавому следу отыскать добычу, но в двух десятках оргий послышался шум, возня, и не разбирая дороги он устремился туда. Лань в смертном ужасе наткнулась на куст, торчавшие из тела копыя запутались в можжевельнике, и всякое движение доставляло несчастному животному невыносимую боль. Подоспевший преследователь ударом палицы, прекратил мучения.

Было ещё довольно темно, за несколько шагов кусты, деревья проглядывали расплывчатыми силуэтами, но в предвкушении обильной трапезы, Анаксимандр не стал ждать рассвета. Взгромоздив на плечи охотничий трофей, оружие, побрёл к становищу. Проснувшийся голод был так силён, что казалось, попадись ему навстречу лев, привлечённый запахом крови, он без страха вступит с ним в схватку, отстаивая добычу.

Подброшенные в костёр дрова, добавили сил огню, взметнувшиеся языки пламени осветили площадку. Первым делом Анаксимандр выворотил приглянувшуюся глыбу. Каменюка оказалась продолговатой, похожей на огромную морковь, к тому же покачивалась на выпуклом основании. Из-за причудливой формы для предстоящего действия скальный осколок не подходил, но Анаксимандр надеялся, что боги войдут в его положение и простят отступление от нормы. Сложив на алтарь дрова, поджёл головней. Когда огонь запылал, выхватил горящий сук, окунул в чашу. Посудина оказалась несоразмерной головне и едва не опрокинулась. Зачерпнув подёрнувшуюся серой плёнкой освящённую воду, окропил лань, вымыл руки. Это было тоже отступление от правил. Кропить водой следовало живую жертву, но Анаксимандр надеялся, что и к этому нарушению боги отнесутся снисходительно.

Каменным ножом, ногтями Анаксимандр освежевал и выпотрошил тушу, выдрал со спины три увесистых ломтя, приступил

к жертвоприношению. Освободил на алтаре место от жарких углей, положил на него мясо, требуху – почки, сердце, печень, лёгкие. Обложил жертву жиром, содраным со шкуры и туши, добавил на алтарь дров. Срезав с бёдер два куска, насадил на прутья, устроил над угольями костра. Закончив приготовления, вымыл руки, расшевелил огонь на алтаре. Мясо, жир, требуха шкворчали в пламени, дым густел и в лучах разгорающейся зари косо устремлялся к небу. Анаксимандр поднялся, воздел перед собой руки, громогласно заговорил с богами: «О Зевс Олимпийский, дарователь жизни...» Поприветствовав наиглавнейшего из бессмертных, обратился с похвалой к его дочери, великой охотнице, затем к не менее славному сыну: «Муза! Гермеса восславим, рождённого Майей от Зевса! Благодостный вестник богов, над Аркадией многоовечной и над Килленою царствует он».

Вознеся похвалу, благодарил богов: Зевса – за избавление от мук и рабства, Артемиду – за удачную охоту и спасение от хищников, Гермеса – за указание пути в благодатное место. От благодарности приступил к просьбам. Кронида просил о сохранении жизни и счастливом соединении с милым семейством, Артемиду – о защите от кровожадных хищников и даровании пропитания, Гермеса – о покровительстве в пути, дабы не блуждал в поисках дороги, а сразу нашёл безопасное и верное направление, и вновь Громовержца, дабы не отняли у него в пути жизнь и свободу.

Поправив мясо над костром, Анаксимандр обратился к алтарю. Мясо на алтаре спеклось в один комок, покрылось чёрной коркой. Анаксимандр раздробил комок, подложил, не жалея дров. Дым вновь почернел, устремился ввысь, унося жертву богам. Спазмы раздирали желудок, рот наполнился слюной, но, прежде чем приступить к собственной трапезе, нужно позаботиться о богах, ибо от них зависело его счастливое возвращение в родной дом и само существование. Жертвенное мясо потрескивало, чадило. Убедившись, что жертва принята, приступил к завтраку. Трапезничали боги, трапезничал путник.

Вольно Левкиппу, сидя у прохладного бассейна в тенистом саду, рассуждать о рассыпающихся в пространстве и вновь соединяющихся видаках. Намекать об обычной для живого тела структуре богов, словно к богам применимо такое понятие, как структура! И, как следствие, сомневаться в их божественной сущности. Можно и пофилософствовать, если рабы наткут, нашьют, напарят, нажарят, наварят, выкормят скот, наделают сыров, даже вымоют в бане и умастят тело. На сытый желудок, в холе и неге, отчего не пофилософствовать? А если ты один на один с дикой природой, беспомощен и наг, и даже встреча с людьми страшит более встречи со свирепым львом? Одна надежда на богов. А не приключилось ли с ним нынешнее несчастье по воле олимпийцев, как наказание за сомнение в вере? Не есть ли его рабство наказанием за богохульные мысли? Ведь он дерзнул размышлять, из чего состоят боги, не из таких ли видиков, что и он сам, и весь сущий мир. Мало того, он ещё призадумывался, да существуют ли они вообще. Но боги всемилостивы, они даровали шанс и теперь наблюдают, как он воспользуется представившейся возможностью и поведёт себя. Анаксимандр отложил недоеденный кусок мяса, вскочил на ноги, вновь простёр руки к небу. «О Зевс всемогущий! – восклицал он. – Позволь вернуться в родимый дом. Там, в Милете, принесу тучные жертвы, отнесу в храм треножки и чаши, бронзовые и серебряные. Только позволь вернуться в родной Милет, окажи покровительство жалкому смертному!»

Принося жертвы богам и собственному желудку, Анаксимандр забыл о надвигающейся непогоде, и первые капли дождя застали его врасплох. Поглядев на низкие тучи, засутился. Из-за собственной беспечности, мог лишиться огня. Дождь быстро набирал силу, уже падали не редкие капли, но упругие струи полосовали землю. Над костром поднимались клубы пара и раздавалось шипение. Подхватив сучьями угли, перенёс их во впадину в скальной стене, образовавшуюся после извлечения каменной глыбы. Не обращая внимания на дождь, натолкал туда

сушняка и, упрасывая богов не гневаться, прикрыл огневище поставленным наискосок жертвенником. Сухой мох к счастью хранил в шалаше. Когда затащил в шалаш мясо, вымок до костей. Дождь пластал до позднего вечера. В темноте Анаксимандр взбодрил еле живой костёр, переносить его на прежнее место не имело смысла. Площадку покрывали лужи, всё было мокрым, осклизлым. Отогреваясь у огня, испёк кусок мяса, тут же поел и, вернувшись в шалаш, заснул.

Ещё два дня провёл Анаксимандр в стойбище, набираясь сил перед дальней дорогой. Вдоволь ел, отдыхал, лечился травами, а то, притиснув ладони и вложив меж большими пальцами широкую травинку, переключался с лесными птахами; почувствовав голод, опять ел. Экономить мясо не имело смысла, – у него не было и щепотки соли. По ночам то нежно, то страстно ласкала Клеобулина, девы Клеи вели обворожительные хороводы, заставляя просыпаться среди ночи. Силы возвращались, и на смену ликованию освобождения приходила тоска. Пора благоприятного мореплавания заканчивалась, а в его теперешнем виде немисливо оказаться в порту. В нём тут же заподозрят беглого раба, обнаружат клеймо, пытками визнают, кто такой Лисагор. Волей-неволей придётся обратиться за помощью к людям. Но кто встретится на его пути? Добрый ли, злой человек? Не приниматься же ему за воровство да грабёж, тогда он сам уподобится зловредным пиратам и станет преступником. Раздобыть бы хоть какую-то одежду.

Вечером второго дня после охоты Анаксимандр набрал полную сумку орехов, утром поел мяса, последний кусок, предварительно обнюхав, сунул к орехам. Туда же положил нож, взвалил на плечо палицу, копьё и тронулся в путь. В ручье напился свежей воды, наполнил кувшин, на можжевелевой перевязи повесил на плечо. Над распадом, по которому бежал ручей, поднимался холодный туман, и, соприкоснувшись с солнечными лучами, растворялся в эфире. Говорливый поток брал начало в стороне, и путник направился левее, меж двух пологих гор.

(Продолжение следует)